

УДК 281.93

**ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ВНУТРИЦЕРКОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БССР В 1924–1939 ГОДЫ****Н.В. ДОВГЯЛО***(Полоцкий государственный университет)*

Проанализирована политика органов Советской власти в отношении Русской Православной Церкви в БССР в 1924–1939 годы. Охарактеризованы действующие на территории Беларуси в изучаемый период три самостоятельных течения Русской Православной Церкви: тихоновское, обновленческое и автокефальное. Представлена информация о борьбе между тихоновцами и обновленцами, которая в наибольшей степени проявлялась в соперничестве за прихожан и храмы.

Введение. На момент революционных изменений 1917 года Русская Православная Церковь (РПЦ) находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса, несмотря на то, что внешне представляла собой внушительную силу. Поместный Собор 1917–1918 годов своими решениями прервал так называемый Синодальный период, который продолжался 300 лет. Собор выбрал митрополита Тихона (Белавина) Патриархом Московским и всея Руси и занялся большим количеством церковно-правовых и административных преобразований. Несмотря на сложности, связанные с перестройкой церковной системы, РПЦ вместе с Патриархом приобрела возможность мгновенно реагировать на изменения в социально-политической жизни страны.

После прихода к власти большевиков Поместный Собор РПЦ стал организационным центром борьбы Православной церкви против Советской власти. В послании к духовенству и верующим (11 ноября 1917 г.) Собор охарактеризовал революцию «нашествием Антихриста, беснующимся безбожием». Ответной реакцией Православной церкви на издание Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стало принятие постановления № 65 от 28 февраля 1918 года. Постановление содержит 33 пункта и представляет собой фактический план по организации сопротивления Советской власти. Указывалось что «новые условия церковной жизни требуют от церковных деятелей, особенно местных, чрезвычайного внимания и напряженных усилий для того, чтобы надлежаще и с добрым успехом совершать духовное дело, невзирая на встречаемые препятствия и даже гонения».

В мае 1922 года в Русской Православной Церкви организационно оформился раскол. В результате православная церковь была разделена на Патриаршую во главе с Патриархом Тихоном и Синодальную (обновленческую). Последней был создан общий орган руководства церковью – Высшее церковное управление (ВЦУ), призванное заменить патриарха. В течение пяти лет вплоть до 1927 года обновленчество было единственной официально признаваемой советским руководством церковной организацией. Более того, обновленческая церковь была признана мировым православным сообществом и высшим церковным управлением. Патриарх Доминиан Иерусалимский грамотой от 9 июля 1926 года признал Св. Синод «стражем и охранителем высшей церковной власти на территории СССР» [1, л. 26].

Основная часть. С начала 1920-х годов в Беларуси также действовало два течения православной церкви. Традиционную церковь, стоявшую на позициях патриарха Тихона, с 1922 года возглавлял митрополит Минский и Белорусский Мельхиседек. По мнению священника Дм. Шиленка, Мельхиседек занимал промежуточную позицию. Признав обновленческое церковное управление в Москве, он игнорировал все указания местного уполномоченного обновленческой «Живой церкви». Тем не менее в циркулях Синода о подготовке к пятилетнему юбилею обновленчества указывалось, что Минская обновленческая община возникла в 1922 году «по почину митрополита Минского Мельхиседека» [2, л. 11].

После того как весной 1926 года Мельхиседек навсегда оставил Беларусь, тихоновскую церковь в Минской епархии возглавляли три викарных епископа: Иоанн (Пашин), стоявший во главе Мозырско-Туровского викариатства; Николай (Шеметилло), объединявший вокруг себя верующих Слущины; Филарет (Раменский), занимавший кафедру в Бобруйске [3, с. 82].

Обновленческое движение как самостоятельная церковная ориентация в белорусских епархиях оформилось к 1922 году. В июле 1922 года в Минском кафедральном соборе состоялся съезд всего городского и сельского духовенства, на котором Белорусская православная церковь была объявлена автономной.

В 1924 году, 17–19 мая, состоялся первый Белорусский областной собор. Был учрежден Белорусский православный Священный Синод, провозглашенный единственной церковной властью на всей территории БССР. Синод был представителем Белорусской церкви в Священном Синоде Российской православной церкви, имел право обращаться в него, а также в государственные и общественные учреждения СССР с ходатайствами и заявлениями. Синод состоял из 7 членов: епископа, двух священников, одного представителя низшего клира, двух мирян – и возглавлялся митрополитом [4, л. 34]. Первоначально ми-

трополитом был избран бывший епископ Витебский и Полоцкий Серафим (Мещеряков), а затем архиепископ Таганрогский Владимир [5, с. 164]. Синод проводил всю текущую административно-организационную работу, утверждал избрание епископов на окружные белорусские кафедры, а также утверждал избираемые округом церковные управления. Полномочия Синода длились 1 год, содержался он на добровольные отчисления от всех приходов Белорусской церкви.

Во главе епархиальных управлений стоял епископ. Границы епархий приближались к административному делению Белоруссии на округа. Управление епархией осуществлялось епископом и епархиальным управлением, которое состояло из выборного духовенства и мирян. Все дела в епархиальном управлении решались коллегиально большинством голосов. Принятые решения носили обязательный характер для всех членов епархиального управления, включая и председателя [6, л. 14]. Для удобства руководства церковной жизнью епархии делились на благочиния применительно к гражданскому районированию территории епархии.

Представителем ВЦУ в каждой епархии являлся епархиальный уполномоченный. Входя в состав епархиального управления, он должен был «непосредственно общаться с ВЦУ и предоставлять ему доклады о положении дел в епархии». В исключительных случаях епархиальный уполномоченный имел право отменять решения епархиального управления. В уезде представителем епархиального управления был уездный уполномоченный. Его главной обязанностью была непосредственная связь с религиозными общинами уезда и информирование их по вопросам обновленческого движения [7, л. 15–16].

Пиком развития обновленческого движения стали 1925–1926-е годы. Однако, по мнению большинства исследователей истории Русской православной церкви, священнослужители поддерживали обновление не по идейным соображениям, а из-за страха репрессий и физического устранения за несогласие. Обновленчество служило своеобразной гарантией от арестов и ссылок.

В октябре 1925 года в состав Белорусской православной обновленческой церкви входило 4 епархии, 6 епископов, 500 приходов и 600 человек духовенства [8, с. 1].

Но искусственно созданная популярность обновленцев начала быстро падать. Несмотря на деятельность государства и обновленческого движения по дискриминации тихоновской церкви, значительных успехов не было достигнуто. Обновленческое движение не пользовалось авторитетом у православных прихожан с момента его появления. Анализ архивных источников позволяет сделать вывод о том, что такая ситуация была связана со следующими факторами. Во-первых, ряд представителей белорусского обновления не смогли попасть на Собор 1923 года. Это вызвало недовольство духовенства и мирян епархий, особенно Могилевской и Гомельской. Во-вторых, прихожан испугало и нарушение обновлениями традиционных церковных канонов. Отрицательную роль сыграло категорическое постановление Собора о переходе на новый стиль календаря. Большое количество духовенства и прихожан, привыкшее свой хозяйственный год распределять в соответствии с праздниками старого стиля, сразу отошло от обновленческого движения. Еще одной причиной отсутствия популярности обновленцев среди белорусского православного населения были неудачные назначения на руководящие посты обновленческой церкви духовенства, которое не пользовалось авторитетом. Так, например, уполномоченным по Гомельской епархии был назначен протоиерей Сергей Канарский – «...Человек без образования и моральных устоев, не брезговавший никакими средствами для своего материального благополучия, сразу же своим грубым обращением оттолкнул прихожан». Такие случаи были скорее правилом, чем исключением [9, л. 6].

Важную роль сыграл тот факт, что на территории Беларуси было много монастырей, а монашество поддерживало тихоновское направление. После ликвидации монастырей монахи разбредались по деревням и занимались пропагандой тихоновщины среди местного населения. Обновленческое духовенство объявлялось агентами ГПУ, ставленниками Советской власти, получающими от нее жалование. Так, например, по мнению членов Витебского епархиального совета, главными виновниками религиозной смуты в епархии являлись монахи мужского и женского монастырей города Полоцка, «ярые сторонники тихоновщины».

Автор статьи «Религия и церковь в СССР», опубликованной в журнале «Антирелигиозник», указывал на то, что причина непопулярности обновленчества «скрывается в отсутствии глубоких социальных корней. Обновленчество было приспособленчеством. Батюшкам казалось, что вслед за признанием ими Советской власти посыпятся, как в «старое доброе время» щедрые милости со стороны государства. Но их расчеты не оправдались. Пролетарскому государству не нужна даже обновленная церковь» [10, с. 66].

Большое значение для обновленческой организации в Беларуси имел финансовый вопрос. В рапорте благочинного 2-го округа Могилевской епархии за 1924 год отмечалось: «Приходские храмы почти все нуждаются в ремонте, некоторые – в капитальном, некоторые – в частичном. Приходские советы заняты изысканием средств на проведение ремонта, так как наличных средств церковью едва хватает на удовлетворение текущих расходов (покупка свечей, ладана и т.д.)» [11, л. 3].

Остро стояла проблема финансирования епархиальных управлений и деятельности Синода. В 1926 году взносы на содержание Св. Синода выплатили только Велижско-Высочанская епархия – 1160 руб., Могилевская – 1800 руб., Витебская – 350 руб., Минская – 2 руб. [12, л. 31]. Кроме содержания собственных

епархиальных управлений, обновленческие приходы в Беларуси должны были высылать на содержание Св. Синода Православных церквей в СССР по 2 руб. 40 коп. [13, л. 12]. Для улучшения ситуации Синод издал циркуляр от 8 октября 1930 года об укрупнении приходов путем объединения мелких. Об этом на протяжении долгого времени просили рядовые священнослужители и благочинные епархий [11, л. 3]. Однако эта мера не принесла ощутимых результатов. Могилевское епархиальное управление в первом полугодии 1934 года не получило ни копейки на содержание от приходских церквей. Вся текущая переписка с лицами и учреждениями проводилась за счет личных средств епархиального секретаря. Как отмечал архиепископ Федор Оршанский, «наблюдается странное явление, пока приход в тихоновщине – исправно делают взносы, перешел в обновление – взносы прекратились» [14, л. 9].

Обновленческая церковь испытывала острый недостаток в священнослужителях. В этом отношении показательным является фрагмент переписки Св. Белорусского Синода с Минским епархиальным управлением: «У нас острая нужда в кандидатах священства. Попадаются приходы свободные, нужно занять и некем. Вот сейчас есть приходы: Григоровичи, Волосовичи. Занять нужно срочно, иначе тихоновцы налетят и займут. В Басловцах есть псаломщик Павел Иванович Серик. Его хотим рукоположить в священника. Понятно не сразу. Сначала во диакона, а потом немного попрактикуется и в иерея» [15, л. 6]. Нужно отметить, что практика перевода представителей низшего причта (псаломщиков, диаконов) в иерейский сан было обычным явлением.

В борьбе за прихожан и храмы тихоновцы использовали в основном умелую агитацию и пропаганду, которые практически всегда приводили к нужным результатам. Так, в местечке Хотимск (Мстиславский округ) благодаря активной агитации сторонников патриарха Тихона прихожане и церковные советы предъявили ультиматум к священникам своих приходов о переходе на позиции традиционного православия, требовали выполнения точного обряда перехода и публичного покаяния перед народом в заблуждениях [16, л. 4].

Обновленцы, наоборот, максимально пытались использовать административный ресурс и помощь властей. Начиная с 1924 года ГПУ при содействии других государственных органов начал кампанию по передаче православных храмов обновленческим общинам. Для соблюдения законности в намеченных храмах проводились ревизии, проверялось соблюдение заключенных договоров, и при обнаружении малейших замечаний договор об аренде расторгался. В 1926 году православная община г. Могилева, которой принадлежал на правах аренды кафедральный собор, на общем собрании прихожан постановила порвать связь с Белорусским Священным Синодом и остаться на позициях традиционного православия. Это вызвало репрессии со стороны Синода, которые по отношению к духовенству прихода выразились в запрещении священнослужения, а по отношению к общине и ее представителям – в необоснованных доносах в различные гражданские учреждения. В результате милиция по распоряжению Могилевского исполкома забрала у общины ключи от всех трех храмов собора и передала их Синоду, лишив общину в 1,5 тысячи человек места для богослужения [17, с. 21].

Подобная тактика городских и районных органов власти не всегда находила поддержку в центре. В докладной записке, составленной по материалам Комиссии культов ЦИК СССР, указывалось, что «имеется много примеров, когда местные органы власти оказывают предпочтение обновленцам перед тихоновцами, считая первых наиболее лояльной группировкой православной церкви. Между тем оба этих направления не представляют по существу принципиальной разницы. Обновленцев подавляющее большинство верующих считает “красными советскими попами”. Наоборот, тихоновцы – “гонимые попы”, которые верующими окружаются ореолом святости» [18, л. 24]. Такое восприятие верующими тихоновских священников не могло не беспокоить власти.

В то же время необходимо заметить, что сельское население очень слабо разбиралось в церковных ориентациях и спокойно молилось и в обновленческих храмах, и в тихоновских: «если священника-тихоновца нет дома, крестьянин едет к священнику-обновленцу и у него совершает религиозные потребности» [19, л. 21]. Рядовое духовенство также уживалось более или менее дружелюбно. Сами священники не всегда могли точно ответить на вопрос о том, чем отличается тихоновщина от обновления. Многие не видели никакой разницы и считали, что просто идет борьба за церковную власть. Рядовые священники-тихоновцы не знали и о существующей вражде среди глав тихоновской церкви. Некоторые из них на богослужении упоминали и митрополита Петра, и митрополита Сергия, и руководителей Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС), и патриарха Тихона [20, л. 15].

Понимая опасность последствий раскола, тихоновцы неоднократно высказывались за объединение, требуя при этом, чтобы обновленцы покаялись «в своей вине перед церковью и вошли в каноническое единство со староцерковниками, признавая власть патриарха» [21, с. 9]. К согласию и сотрудничеству призывали и некоторые обновленцы. Обновленческий священник из города Горки в своем письме Могилевскому епархиальному управлению спрашивает, «есть ли надежды к примирению и соединению обновленцев и староцерковников. Как я слышу, народ и духовенство говорят: “во всем виноваты архиереи. Они раскололись и нас раскололи”» [22, л. 40].

Реальные попытки объединения тихоновцев и обновленцев наблюдались только на местном уровне. В Слуцком районе предполагалось начать объединение с низшего духовенства, которое ближе к народным массам. Была создана даже «Программа братского объединения старо- и новоцерковников». В середине 1926 года в Витебске епископ Гавриил (Свидерский) также предпринял попытку примирения с тихоновцами. Он собрал наиболее авторитетных и влиятельных священников для переговоров. Прибывшие поддержали эту идею, но говорили о необходимости получения согласия от верующих и епископа тихоновца Иннокентия (Летяева). Такие собрания верующих в Витебске провести не удалось, но они состоялись в Городке и Бешенковичах. Обновленцев обвиняли в церковной смуте, но все же постановление о церковном мире было принято [21, с. 9].

Положение обновленческой церкви коренным образом изменилось после «Декларации» Сергия 1927 года. После провозглашения принципов лояльности по отношению к государству и его идеологии, исчезла острая необходимость в обновленческой церкви. Без государственной поддержки обновленческое течение едва существовало и не могло соперничать с тихоновщиной. В 1927 году священники Минской епархии сообщали епархиальному управлению: «У нас все приходы на боевом положении, нашим священникам везде в епархии приходится или наступать, или отражать нашествие тихоновщины. Тихоновцы напрягают все силы на борьбу с нами» [23, л. 13].

В переписке Белорусского обновленческого Священного Синода со Священным Синодом Православных церквей в СССР за 1928 год указывается, что «остатки обновленчества административно дезорганизованы. Материальной базы нет совсем. Центры обновленчества (а именно приходы Могилевского, Мстиславского и Калининского округов), за немногим исключением, перешли в другие церковные ориентации». В рапортах Гомельского епархиального управления Белорусскому Св. Синоду за 1926–1928 годы указывалось, что половина духовенства города Гомеля настроена «прогрессивно (т.е. поддерживает обновленческие идеи), но должна выдавать себя староцерковниками, чтобы не встретить оппозиции со стороны прихожан и не быть удаленными из приходов» [20, л. 15].

Не содействовала повышению авторитета обновленческой церкви и ее позиция по отношению к коллективизации и массовому закрытию церквей в 1929–1930 годах. Белорусский обновленческий Синод разослал в белорусские епархиальные управления следующие директивы: «В отношении закрытия приходских церквей необходимо сказать, что это явление среди коренных земельных реформ современного строя неизбежно. Округ (Могилевский – прим. авт.) правительством Белоруссии объявлен показательным и обязательным к сплошной коллективизации. При этом противодействие такому законному объявлению абсолютно неприемлемо. Наша тактика – это безмерная всепрощающая любовь, безграничное непротивление и неподражаемая кротость» [24, с. 49].

Участились случаи перехода обновленческих священнослужителей в тихоновскую церковь. Этому содействовала позиция тихоновского архиепископа Павлина (Крошечкина), который значительно упростил этот процесс: если ранее священники всенародно отрекались от своей бывшей юрисдикции, то теперь совершали только исповедь [24, с. 70].

В 1931 году обновленческая церковь состояла из 8 епархий: Минской, Оршанской, Могилевской, Гомельской, Мозырской, Бобруйской, Рогочевской, Витебской и Полоцкой – и объединяла, по одним данным, 160 общин [25, л. 15], по другим – 250 общин.

Тихоновская церковь объединяла 180 приходов и состояла из 3-х епархий: Минской во главе с епископом Феофаном, Могилевской во главе с епископом Феодосием и Витебской во главе с епископом Николаем [25, л. 15].

В 1933–1934 годах количество обновленческих приходов катастрофически сокращалось. На 01.01.1933 в Витебской епархии осталось 14 приходов (в 1932 г. – было зарегистрировано 37) [26, л. 35], в Мозырской епархии в 1933 году осталось 20 приходов из 39, а в 1934 году – 14 [27, л. 2].

В декабре 1934 года вышло постановление Священного Синода православных церквей в СССР о переходе Белорусского Православного Синода в подчиненное к нему отношение: «Украинский и Белорусский Священные Синоды становятся в подчиненное отношение к Священному Синоду Православных церквей в СССР, наравне с уже существующими краевыми и областными церковными управлениями. Председатель и члены Украинского и Белорусского Священных Синодов утверждаются и увольняются Священным Синодом в СССР. Синод также рассматривает отчеты о деятельности Синодов и епархиальных управлений и дает им свои руководственные указания....» [28, л. 6]. Таким образом, автономия Белорусской Православной обновленческой церкви была ликвидирована. В январе 1935 года Священный Синод православных церквей в СССР освободил митрополита Даниила (Громовского) от должности председателя белорусского Синода «за неподчинение». Предположительно, митрополит пытался отстаивать автономию Белорусской Православной Церкви. Постановлением Священного Синода православных церквей в СССР «Об упразднении коллегиальной системы управления в православной обновленческой церкви» 29 апреля 1935 года все обновленческие Синоды и епархиальные управления в СССР были ликвидированы. Несмотря на архивные документы, мнения исследователей относительно конечной даты су-

ществования обновленчества расходятся. Окончательную ликвидацию обновленчества в БССР Н. Левчик отнесла к маю 1935 года. В более ранних исследованиях В.И. Новицкий связывал конец обновленчества с ликвидацией в декабре 1934 года обновленческой Белорусской автономной православной церкви и возвращением её приходов в лоно Московской патриархии. Затем он скорректировал свой взгляд, отмечая, что обновленческий раскол перестал существовать в стране после смерти А. Введенского 26 июля 1946 года.

В 1927 году, 21 июня, в Белоруссии была провозглашена автокефальная церковь. По мнению историка И.И. Янушкевича, с этого момента в республике действовали три почти равных по количеству приходов течения православной церкви: обновленцы, тихоновцы (сергеевцы) и автокефалисты [29, с. 29].

Попытки белорусского духовенства создать независимую Белорусскую Православную Церковь наблюдались еще в 1925 году. В обновленческий Священный Синод Беларуси поступали сведения о том, что во многих местах «тихоновские» епископы и отдельные приходы разрывают каноническое общение с бывшим патриархом Тихоном и в то же время не входят в общение с обновленцами, объявляя себя автокефальными. Исходя из этого факта Священный Синод поручил уполномоченным епархиальных управлений «внимательно следить за подобными автокефалиями, сообщать о них Св. Синоду и тактично входить с ними в связь с целью окончательного отвлечения их от тихоновщины и привлечения на сторону Св. Синода» [30, л. 44].

Провозглашение автокефалии состоялось на Белорусском Епархиальном Съезде духовенства и мирян, который прошёл в Минске 9–10 августа 1927 года. По мнению священника Ф. Кривоноса, следует учитывать тот факт, что провозглашение автокефалии осуществлялось в то самое время, когда к выходу в печати готовил свою «Декларацию» Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский). В Минской епархии понимали, что «Декларация» неизбежно вызовет случаи отвержения её среди верующего народа, а значит, ещё больше усугубит проблемы церковной жизни, это в свою очередь должно было заставлять думать о собственном пути преодоления сложившихся трудностей во взаимоотношениях с властями [3, с. 94–95].

Участники Епархиального Съезда надеялись на то, что вскоре после объявления автокефалии в Беларусь возвратится митрополит Мелхиседек. От имени съезда к нему обратились в этой связи с письменной просьбой. Из делегатов съезда в ЦИК БССР отправили несколько человек с ходатайством оказать содействие в «возвращении в Минск митрополита Мелхиседека как первоиерарха Белорусской Автокефальной Православной Церкви». Съезд образовал епархиальное управление, при котором были организованы миссионерский совет и ревизионная комиссия. На съезде был принят проект Устава Белорусской Православной Церкви, текст которого пока остаётся неизвестным. Временное управление Белорусской Митрополией (до возвращения Мелхиседека) доверили епископу Филарету [3, с. 100].

Узнав о событиях, произошедших в церковной жизни Минска, митрополит Сергей (Страгородский) запретил епископа Филарета (Раменского) и примкнувшее к нему духовенство в священнослужении. При помощи назначенного на Минскую кафедру в июле 1927 года епископа Арсения (Смоленца) он попытался воспрепятствовать распространению автокефальных настроений среди местного духовенства [3, с. 100].

В переписке председателя Синода митрополита Иосифа с представителем вселенского патриарха в СССР архимандритом В. Димопуло эти события описываются следующим образом: «Отделившиеся раздробились на несколько сект. Одни подчинились митрополиту Сергию, другие – ВВЦС. Но и тех и других немного. Третьи образовали самочинную Белорусскую автокефалию. Они имеют двух бывших викарных епископов. Эти последние, невзирая на очевидность своего ложного положения, стараются удержаться на командных высотах. Они ничем не пренебрегают, все у них законно и допустимо. Обман верующих стал их обычным занятием. От них отказались митрополит Сергей и ВВЦС. Но они имеют множество храмов и верующих белорусской церкви» [31, л. 11].

Автокефалия, как свидетельствует «Декларация белорусского православного духовенства (староцерковников – автокефалистов) города Минска и его окрестностей», представляла собой отдельное церковное направление. В ней указывалось, что объявление автокефалии в первую очередь связано с нежеланием вовлекаться в борьбу между различными религиозными группировками. Белорусская автокефальная церковь осуждает «противоречащую церковному писанию и причинившую непоправимый вред контрреволюционную деятельность покойного патриарха Тихона и его местоблюстителя митрополита Петра», в то же время, храня догматы, каноны и уставы церковной организации, отделяет себя от обновленцев, допустивших ряд новшеств. Предположительно, в состав Белорусской православной автокефальной церкви должны были войти все староцерковнические организации, находящиеся в пределах БССР.

В соответствии с Декларацией главными органами управления являлись Митрополит и Областной церковный Собор. Последнему принадлежала административная, судебная и контролирующая власть в Белорусской Православной Церкви. В рамках епархий не менее одного раза в год должен был собираться епархиальный съезд. В его компетенции входило решение вопросов, касающихся вероучения, богослужения, церковной дисциплины и церковного хозяйства епархии. Постоянным административным управленческим органом епархии являлся епархиальный совет, в который входило 5 человек (председатель,

по 2 представителя от духовенства и мирян). Совет избирался сроком на 2 года. Каждая епархия делилась на благочинные округа, объединявшие 10–15 приходов. Там также существовал благочинный совет, и не реже одного раза в год созывалось благочинное собрание, которое решало вопросы церковного благоустройства округа, рассматривало недоразумения, возникшие между духовенством и прихожанами, обсуждало хозяйственные вопросы. Нижнее звено в структуре управления отводилось приходскому собранию. На нем должно было присутствовать не менее 50 % прихожан, обсуждались все приходские дела и вопросы, избирался церковный староста и члены приходского совета, который избирался на 3 года [32, л. 24].

Исходя из вышеизложенного можно сделать **вывод** о том, что обновленческая и автокефальная церкви в организационном отношении мало чем отличались друг от друга и сохранили структуру церковной вертикали, существовавшую в Православной церкви до революции.

Таким образом, автокефалия предполагала самостоятельность в организационном отношении, в каноническом – являлась организацией староцерковнического толка, по отношению к властным структурам «придерживалась принципа лояльности, осуждая и не допуская у себя никакой революции». По замыслу сторонников автокефалии её следовало утвердить не только в Минской епархии, но также в соседних с нею Могилевской и Полоцко-Витебской. В результате активной деятельности автокефалистов к концу 1927 года они имели в своей юрисдикции 24 церкви в Гомельском округе, 12 – в Полоцком, одно благочиние в Оршанском, 30 приходов в Могилевском округе [3, с. 103].

На начало 1928 года в пределах БССР действовало 305 обновленческих приходов (305 священников), 411 патриарших (429 священников) и 344 автокефальных (339 священников). Сторонники провозглашённой автокефалии служили в основном в Минской епархии [3, с. 105].

Разделение духовенства на тех, кто последовал за митрополитом Сергием (Страгородским), и тех, кто примкнул к епископу Филарету (Раменскому), безусловно, ослабило позиции староцерковников в их противостоянии обновленчеству. Хорошо понимая это, заместитель председателя ГПУ Залин докладывал в Москву: «наличие автокефальной ориентации в достаточной степени парализует деятельность тихоновщины на территории БССР, постепенно уменьшая её влияние» [3, с. 106].

В начале 1930-х годов Белорусская автокефальная церковь, возглавляемая епископом Филаретом, локализовалась в границах бывшей Минской епархии (200 приходов) и «по мнению обновленческого духовенства, охватывала лучшие приходы и обслуживалась лучшим духовенством» [25, л. 15]. Белорусская автокефальная церковь прекратила свое существование в середине 1935 года, когда епископ Филарет (Раменский) принёс покаяние и был принят митрополитом Сергием [24, с. 70].

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 2. – Д. 12. Бюллетени Св. Синода Православных церквей в СССР. 1927, 1930 гг.
2. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 221. Циркуляры Синода о подготовке к пятилетию юбилею обновленчества. 1927 г.
3. Кривонос Феодор, священник. У бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Феодор Кривонос, священник. – Минск: МФЦП, 2007. – 240 с.
4. Положение об управлении Белорусской православной церкви // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 1755. – Л. 34.
5. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Выд. прадпрыемства “Экаперспектыва”, 1998. – 337, [2] с.
6. Положение об епархиальных и благочинных управлениях // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 14.
7. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 8. Переписка Синода с ЦИК, НКВД БССР и другими учреждениями. 1924 г.
8. Православная церковь на территории СССР к 1 октября 1925 года // Вестн. Св. Синода Православной Российской церкви. – 1926. – № 7(3) (офиц. ч.). – С. 1–2.
9. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 516. Сведения по истории обновленческого движения в Белоруссии за 1922–1932 гг.
10. Религия и церковь в СССР // Антирелигиозник. – 1927. – № 3. – С. 62–68.
11. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 37. Рапорты благочинного 2-го округа Могилевского управления Могилевской епархии за 1924–1927 гг.
12. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 137. Дело о проведении третьего белорусского поместного собора. 1926 г.
13. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 325. Переписка Синода со Св. Синодом Пр. церквей в СССР и Минским епархиальным управлением. 1928 г.
14. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 407. Дело о проведении пленума Синода в мае 1929 г.

15. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 364. Переписка Синода с Минским епархиальным управлением и Слуцким викариальным управлением за 1928 г.
16. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 214. Рапорты священников в Синод и Мстиславское епархиальное управление о трудностях работы в тихоновском окружении.
17. НАРБ. – Фонд 6. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) БССР. – Оп. 1. – Д. 906.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р5263. Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР. – Оп. 1. – Д. 32. Докладная записка по материалам Комиссии культов ЦИК СССР с 01.01 по 01.09.1936 о состоянии религиозных организаций в СССР, отношении их к проекту конституции, о практике проведения законодательства о религиозных культах. 1933–1936 гг.
19. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 404. Дело о предоставлении епархиальными управлениями в Синод сведений о числе священно- и церковнослужителей и количестве церквей в епархиях. 1929 г.
20. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 151. Рапорты Гомельского епархиального управления за 1926–1927 гг.
21. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): документы и материалы. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.
22. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 85. Переписка Синода с Могилевским епархиальным управлением, благочинными и приходскими советами за 1925–1928 гг.
23. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 156. Переписка Минского епархиального управления с Минским окрисполкомом и отделом ЗАГС, Могилевским и Смоленским епархиальными управлениями. 1926–1927 гг.
24. Шиленок Д., св. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922–1939) / св. Д. Шиленок. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2006. – 224 с.
25. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 133. Переписка со Священным Синодом Русской православной церкви. 1926–1927 гг.
26. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 547. Переписка Синода с Витебским епархиальным управлением за 1933 г.
27. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 580. Переписка Синода с Мозырским епархиальным управлением за 1934 г. Сведения о приходах, духовенстве и церковных советах епархии на 1 октября. 1934 г.
28. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 583. Переписка Синода с Могилевским епархиальным управлением за 1935 г. Постановление Св. Синода Православных церквей в СССР о переходе белорусского и украинского Синодов в подчиненное к нему положение. 1935 г.
29. Янушкевич, И.И. Государственно-церковные отношения в Беларуси: уроки истории (1917–2002) / И.И. Янушкевич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2003. – № 3. – С. 28–33.
30. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 45. Переписка Синода со Священным Синодом Русской православной церкви. 1925 г.
31. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 328. Переписка председателя Синода Митрополита Иосифа с представителем вселенского патриарха в СССР архимандритом В. Димопуло. 1928 г.
32. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 66. Резолюция и воззвание пастырского совещания духовенства Борисовского округа Минской епархии. Декларация белорусского православного духовенства (староцерковников-автокефалистов) г. Минска от 21.06.1927. Журнал заседаний Благовещенского епархиального Совета за 1923 г.

Поступила 12.01.2015

EFFECT OF THE GOVERNMENT ON INTERNAL CHURCH PROCESSES IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN BSSR 1924–1939

N. DAUHALA

The policy of Soviet authorities in relation to the Russian Orthodox Church in the Byelorussian SSR is analyzed in the article. Characterized by operating on the territory of Belarus during the study period, three independent flow ROC Tikhonov, Renovated Church and autocephalous. Provides information on the struggle between Tikhonites and Renovators, which is most pronounced in the competition for parishioners and temples.